

УДК: 372.8:811.611

DOI: 10.25629/НС.2023.11.13

КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ (МЕТОДИЧЕСКИЙ РАКУРС)

Миллер Л.В.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается положение о том, что классическое для методики преподавания иностранных языков и теории межкультурной коммуникации понятие *фоновые знания* необходимо уточнить, углубив наши представления о том, какого типа информация должна входить в его состав. На основе практического опыта преподавания русского языка как иностранного и теоретических изысканий автор делает следующий вывод: на успешность обучения иностранному языку и на взаимопонимание представителей разных культур не менее важное влияние, чем собственно знания, оказывают в той или иной степени скрытые компоненты культуры: этические нормы, специфика социальных ролей, а также те неощутимые, неосозаемые аксиологические ориентиры и аффективные реакции, которые также определяют коммуникативное поведение и также являются национально обусловленными. Методический вывод, который можно из этого сделать заключается в том, что формирование лингвокультурологической компетенции предполагает не только усвоение инофоном культурно маркированной информации, заключенной в языковых и речевых структурах, но и обращение к системе представлений о мире, свойственных русскому сознанию, знакомство изучающих русский язык с концептами культуры и картиной мира носителей русского языка. Следующая из этого положения и актуальная для методики преподавания русского языка как иностранного практическая реализация возможна в форме описания своего рода культурного минимума для иностранцев, изучающих русский язык, литературу и культуру. Единицами такого минимума могут стать отобранные в учебных целях константы русской культуры и художественные концепты разного типа: смысловые, аффективные, аксиологемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Концепт, фоновые знания, культурный минимум, конфликтогенный фактор, коммуникативное поведение, аффективные реакции, культурные очки.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы не вполне адекватного понимания представителей чужой культуры (если речь не идет о низком уровне владения иностранным языком) обычно объясняют недостаточным количеством страноведческой и лингвокультурологической информации, которыми располагают коммуниканты. Названная проблематика является традиционной и для теории и практики межкультурной коммуникации, и для лингводидактики. В методике преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) изучение проблем взаимоотношений с чужой культурой, взаимосвязи языка и культуры связано, прежде всего, с именами Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [2]. Их книга «Язык и культура» выдержала несколько изданий и не потеряла своей актуальности. Она является классикой лингвострановедения и лингвокультурологии и в обязательном порядке рекомендуется к изучению всем, кто так или иначе связан с РКИ. Большой вклад в исследование этой научной области внесли С.Г. Терминасова [10], В.М. Шапкин [11], В.В. Красных [6] и многие другие.

Конечно, изучение языка в контексте культуры – основополагающий принцип методики преподавания РКИ. Именно преподаватели практики первые почувствовали недостаточность изучения только языка как лингвистического феномена, поскольку на живом примере видели, как окружающая их студентов жизнь (и культура) влияют на формирование языковой компетенции.

Однако вопрос о том, какой именно информации нам недостает, чтобы избежать коммуникативных неудач в общении с представителями другой культуры, остается открытым. Знакомство с данными исторического, географического, лингвистического характера и даже с культурной экзотикой (типа национального костюма, прикладного искусства, национальной кухни или обычаев) само по себе чаще всего не повышает степень взаимопонимания при общении людей. Кроме того, получить эти сведения можно и на родном языке. Зачем тогда преодолевать искусственные трудности в виде лексики и грамматики чужого языка?

ЦЕЛЬ

Цель статьи – обосновать положение о том, что существенное влияние на успешность общения и взаимопонимание представителей разных культур оказывают в той или иной степени скрытые компоненты культуры: этические нормы, специфика социальных ролей, а также те неощутимые, неосознаваемые аксиологические ориентиры и аффективные реакции, которые не в меньшей степени определяют коммуникативное поведение и также являются национально обусловленными. Это те типы информации, которые детерминированы культурой, но выходят за пределы языка и не могут быть выражены с его помощью. Усвоение в учебных целях информации такого рода позволит существенно снизить процент коммуникативных неудач при общении иностранцев с представителями русской культуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Из сказанного следует, что нам необходимо посмотреть на процессы взаимодействия языка и культуры еще под одним углом зрения и осознать, что язык является лишь средством формирования образа мира в сознании человека и средством оформления полученных знаний. Очевидно, что в целях адекватной атрибуции и корректной интерпретации речевого и социального поведения представителей другой культуры не менее важно изучать систему представлений и оценок, свойственную данной культуре. Особенно тех представлений, которые выдвигаются ею в качестве образца. Такого рода информация практически не использовалась в процессе преподавания РКИ, в то время как ее отсутствие представляет собой существенный конфликтогенный фактор.

Методический вывод, который можно сделать из этого, заключается в том, что формирование лингвокультурологической компетенции [1] предполагает не только усвоение инофоном культурно маркированной информации, заключенной в языковых и речевых структурах, но и обращение к системе представлений о мире, свойственных коллективному русскому сознанию, знакомство изучающих русский язык с концептами культуры и картиной мира носителей русского языка.

Речь идет об изменении координат исследования: границы парадигмы *язык – действительность* расширяются и в зоне внимания оказывается сознание человека культуры и результаты его интеллектуальной и духовной деятельности.

Таким образом, этот подход имеет совсем другой вектор – не от языка к культуре, а от личности к культуре.

Вывод, о котором было сказано выше, сделан не только на основе теоретических рассуждений. Сама практика межкультурного общения показывает, что основной причиной коммуникативных неудач является чаще всего не отсутствие информации, а различие поведенческих стереотипов, оценочных и эмоциональных реакций, даже предрассудки. Постепенно становится очевидным, что для осуществления полноценного общения коммуниканты должны обладать не только общим языком и общим набором пресуппозиций (общим знанием), но и иметь «неконфликтные» системы представлений о мире, говоря другими словами, в той или иной степени совпадающие картины мира.

Сказанное можно аргументировать таким примером.

Студенты из Азии, неплохо владеющие русским языком, в качестве учебной задачи посмотрели популярный российский фильм «Географ глобус пропил», созданный режиссером А. Велединским по одноименной повести Алексея Иванова [3].

Главный герой этого фильма учитель Виктор Служкин фактически неудачник: в его жизни много проблем, в которых чаще всего виноват он сам. Его не ценят в школьном коллективе; он злоупотребляет алкоголем, который не приносит радости; отношения с учениками у него не складываются. На первый взгляд, такой герой не должен вызывать симпатии. Однако русский зритель (и читатель) сочувствует ему и отмечает в этом далеко не положительном персонаже и «русскость», и интеллигентность, и начитанность, и ироничность, и духовность:

«Географ глобус пропил» – настоящее российское кино. С нашей философией, с нашей атмосферой, с нашей культурой. С нашим матом, наконец. Просто кино о жизни и русском человеке...».

«... пьянство для главного героя является способом выживания в этом бездушном мире...».

«А тип этот – человек думающий, почти исчезающий на сегодняшний день биологический вид ... человек, который тянется ввысь» [5].

Перед просмотром фильма иностранным студентам были сообщены все необходимые сведения на уровне факта и смысла, все культуроспецифичные реалии должным образом истолкованы, однако восприятие фильма было, мягко говоря, не вполне адекватным. Студенты усомнились в правдивости самого сюжета и сказали, что он не отражает реальной жизненной проблематики. Люди, подобные герою фильма, который, по их мнению, не вызывает ни симпатии, ни сочувствия, не могут и не должны работать в школе. Для узбекского, китайского и монгольского зрителя, как выяснилось в процессе обсуждения, подобный конфликт невозможен, поскольку он должен был быть разрешен еще до его начала. Один из студентов прямо спросил, а почему такого человека не уволили в первые же дни его работы в школе.

Что же означает такой вопрос? И можно ли ответить на него, имея в своем лингвокультурном багаже только объективную социокультурную информацию? Маловероятно. Он означает, что при прочтении проблема была не в том, что читатели чего-то не поняли, а в том, что они увидели другое.

Для русского зрителя (и читателя одноименного романа А. Иванова) сюжет представляется вполне реалистичным и даже весьма драматичным. Это объясняется тем, что в коллективном художественном сознании носителей русской культуры и в национальной художественной картине мира укоренен художественный концепт *лишний человек* [7, С.134-136].

Носителям русской культуры этот персонаж знаком из школьного курса русской литературы. *Лишний человек*, как правило, дворянин, он талантлив и готов к активной деятельности на благо общества, но он не может найти себе применения в силу несовершенства этого общества. Выражение «лишние люди» стало прецедентным и употребляется для обозначения людей, недооцененных окружающими и не находящих себе достойного применения в обществе. И, хотя *лишний человек* не является положительным героем в полном смысле слова, классическая трактовка этого образа предполагает его положительную оценку и симпатию по отношению к нему. То есть в коллективном художественном сознании, как уже говорилось, к нему сформировалось весьма сочувственное отношение. Уважение, симпатия, сочувствие, даже жалость – вот аффективное содержание этого литературного типа.

Как раз именно такое «типичное» аффективное содержание концепта *лишний человек* воздействует на реципиента художественного сообщения, управляя эмоциональными реакциями при восприятии таких персонажей, как Виктор Служкин. Причем воздействует не в меньшей мере, чем смыслы конкретного современного произведения.

Вследствие этого носители русской культуры смотрят на сюжет фильма сквозь свои «культурные очки», носитель азиатской культуры – сквозь свои. При этом важно понимать, что *культурные очки* – это не просто метафора, а важный этнопсихологический механизм, который

формирует в сознании человека вполне определенные представления о мире, оценку явлений этого мира, свойственные коллективному сознанию той или иной национальной культуры. Термин был введен американским ученым Э. Холлом [12], который использовал его для обозначения ситуации, при которой люди рассматривают собственную культуру как центр всего и вся, а свои представления как единственно верные. Именно поэтому негативные поведенческие проявления героя не вызывают вопросов в сознании русских.

Таким образом, получается, что успешность восприятия некоторого смыслового фрагмента инокультурного мира зависит от того, насколько ясно мы разъясним иностранцу, как «видят», оценивают и переживают окружающий мир русские.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вывод, который напрашивается в этом случае, таков. Вероятно, определяя для себя понятие лингвокультурологической компетенции, нужно хорошо понимать, как важно, исследуя взаимоотношения слова и смысла, языка и культуры, не «потерять» человека, носителя этой культуры. А для того чтобы сосредоточиться на исследованиях взаимоотношений культуры (и языка как ее составляющей) с сознанием человека, который является носителем этой культуры, следует пытаться по возможности избежать редукции культуроспецифичной информации только чистому страноведению или лингвокультурологии. А для этого необходимо разделить лингвокультурную информацию на смысловую, аксиологическую и аффективную. И обязательно знакомить иностранца с некоторой совокупностью моделей поведения, национальной оценочной шкалой, набором типовых эмоциональных и ассоциативных реакций, которые человек русской культуры осваивает в процессе развития. Говоря другими словами, с экстралингвистическими, а более конкретно – с этнопсихологическими составляющими фоновых знаний, в которых отражена национальная культура и определенный способ восприятия окружающего мира.

Каким образом и в какой форме возможно такое знакомство?

В свое время американский ученый Э. Хирш разработал основы теории культурной грамотности [13]. Ученый, как и многие американские социологи и культурологи, отмечал существенное снижение общего культурного уровня американцев и пытался найти способ этот уровень сохранить. С этой целью он создал некоторый список ментально-культурных схем, мифов, символов, ярлыков, даже цитат, имен, жестов, дат, сокращений и т.п., осваивать который должны были все американцы. Книга Хирша выдержала в Америке множество изданий, но у нас мало известна. Однако по аналогии с этой теорией как раз и можно было бы ставить задачу описания некоторого культурного минимума для иностранцев, изучающих русский язык, литературу и культуру. Единицами такого минимума могут стать отобранные в учебных целях константы русской культуры [9] и художественные концепты (не только смысловые, но и аффективные, и аксиологемы). Например, как раз такие, как лишний человек.

В основу создания названного минимума должны быть положены новые лингвокультурно-антропологические принципы:

- *феноменологический*, предполагающий взгляд на культуру как на продукт духовно-практической деятельности людей, закрепленный в сознании этноса в виде культурных представлений, стереотипов, стандартов, оценок и даже эмоциональных реакций;

- *когнитивный*, предопределяющий рассмотрение упомянутого продукта как лингвокультурной картины мира этнического сообщества;

- принцип *редукции культурной информации*, который заключается в минимизации лингвокультурной картины мира на основе ее деления на центр и периферию и обращение в практических целях к ее центральной зоне;

- принцип *разделения лингвокультурной информации на смысловую, аксиологическую и аффективную*;

- универсальный для любого культурологического «действия» принцип *толерантности*. Он предполагает понимание того факта, что в каждой этнической культуре закреплялась

только то, что было нужно ее носителям, чтобы выжить. Именно в силу этой причины нельзя судить о культурах как о хороших или плохих, сложных или примитивных, развитых и неразвитых, то есть подходить к ним с оценочных позиций. Только такое отношение к культурно-чуждому формирует основы толерантности и исключает при взаимодействии с чужой культурой использование своей оценочной шкалы.

Формулирование названных принципов определяет и новую цель. Эта цель – *описание центральной зоны содержания сознания коллективного субъекта русской культуры, фактически минимизированной в учебных целях концептосферы русской культуры*. Единицей такого описания могут стать лингвокультурные и художественные концепты разного типа. Такая задача сегодня вполне может быть решена с помощью тех конкретных результатов, которые получены в области лингвокультурной концептологии. Ее решению помогут работы И. Стернина, Ю. Прохорова [8], В. Карасика [4] и др.

Предложенный минимум, своего рода «концептуарий культуры», как представляется, может иностранцу получить представления об особенностях русского национального характера, о межличностных отношениях русских, об аксиологии русской культуры и ее аффективном содержании. Он также создаст основу для проведения межкультурных сопоставлений и будет способствовать формированию в сознании инофона специфических поликультурных концептов. Их возникновение, в конечном итоге, приведет к становлению личности, обладающей необходимой компетентностью и, что самое главное, способной фиксировать межкультурные различия, принимать их, иметь с ними дело и адекватно вести себя в условиях чужой культуры.

Заметим в скобках, что в настоящее время не менее актуальной является задача формирования у самих россиян, особенно у молодых, адекватного представления о своей культуре как о составляющей единого мирового культурного пространства. Представляется, что такой минимум поможет им глубже понимать закономерности родной культуры и адекватно оценивать ее продукты.

Видимо, настало время задуматься о том, каким образом и в какой степени такие регулятивы коммуникативного поведения, как представления, убеждения, заблуждения и предубеждения, аффекты, ментальные репрезентации и образы влияют на нас, когда мы общаемся с представителями других культур. Все это вместе, можно рассматривать как *когнитивный аспект лингвокультурологии*, потому что именно с точки зрения когнитивного подхода поведение человека определяется не столько объективной реальностью, сколько реальностью субъективной, то есть системой представлений человека об этой реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирюкова М.С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-kompetentsiya-soderzhanie-i-teoreticheskie-osnovy> (дата обращения 25.08.2023).
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
3. Иванов А.В. Географ глобус пропил. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 512 с.
4. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, – 351 с.
5. Кинопоиск / Географ глобус пропил /Рецензии. <https://www.kinopoisk.ru/film/653696/-reviews/ord/rating/status/all/perpage/10/page/2/> (дата обращения 25.08.2023).
6. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
7. Лаврова О.А., Миллер Л.В., Политова Л.В. Аффективное содержание художественного текста и национальная эстетическая традиция (на материале современной русской литературы) // Наука и культура России: материалы XIX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 26 –27 мая 2022. – Самара 2022. С.134-136.

8. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2021, – 328 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 92 с.
10. Терминасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008, – 344 с.
11. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. – М.: Флинта, 2012 – 301 с.
12. Hall E. Beyond Culture. – N.Y.L. – 1989. – 217 p.
13. Hirsch E. D., Jr. Joseph F. Kett, J. Trefil. The New Dictionary of Cultural Literacy. – Boston; N.-Y.: Houghton Mifflin Company. – 2002. – 375 p.

**CONCEPTS OF RUSSIAN CULTURE AND PROBLEMS
OF INTERCULTURAL COMMUNICATION
(METHODOLOGICAL PERSPECTIVE)**

Miller L.V.

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

ABSTRACT

The article substantiates the position that the concept of background knowledge, classical for the methodology of teaching foreign languages and the theory of intercultural communication, needs to be clarified. Based on the practical experience of teaching Russian as a foreign language and theoretical research, the author draws the following conclusion. The success of teaching a foreign language and the mutual understanding of representatives of different cultures is influenced by hidden components of culture: ethical norms, the specifics of social roles, and also those intangible, intangible axiological landmarks and affective reactions that do not determine communicative behavior and are also nationally conditioned. The methodological conclusion that can be drawn from this is that the formation of linguoculturological competence involves not only the assimilation of culturally marked information contained in linguistic and speech structures by a foreign phone, but also an appeal to the system of ideas about the world inherent in the Russian consciousness, acquaintance of students of the Russian language with concepts of culture and the picture of the world of native speakers of the Russian language. The practical implementation following from this provision is possible in the form of a description of a kind of cultural minimum for foreigners studying the Russian language, literature and culture. The units of such a minimum can be the constants of Russian culture selected for educational purposes and artistic concepts of various types: semantic, affective, axilogemes.

KEYWORDS

Concept, background knowledge, cultural minimum, conflict factor, communicative behavior, affective reactions, “cultural glasses”.